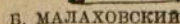

H

РЕГИСТРАТУРА

ЧЕХОВ: — Николай Васильевич, я, кажется, проиграю вам соревнование... Смотрите, сколько ваших персонажей живы до сих пор!.. Вон — переодетый городничий Сквозник-Дмухановский, вон — Держиморда в толстовке, вон Ляпкин-Тяпкин с вечным пером в кармане...

ГОГОЛЬ: — Чет, Антон Павлович, скорее вы победите в нашем соревновании: вашим «человеком в футляре» тут и счёта нет!

ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ

С легкой руки литбюрократов, окопавшихся в уютнейших траншеях советских издательств, почему-то (?) вошло в практику, без зазрения совести и не жалея государственных средств, издавать кого попало, что попало, как попало, куда попало и кому попало.

Достаточно только указать на дику вакханалию и свистопляску, которая, к сожалению, до сих пор продолжается с изданием так называемых „полных (!) собраний (хо-хо!) сочинений“ (хи-хи) наших доморожденных и пресловутых гениев.

Вслед за Пильняком, Леоновым, Ивановым, Верой Инбер, Гумилевским и другими безусловно крупными мастерами слова, — к вкусному пирогу советской популярности потянулись ценные пальцы развизных молодых людей, уже не пишущих абсолютно никакой художественной ценности и социальной значимости.

Мутный вал читая, потакающего обывательским вкусам, готов с головой захлестнуть молодую советскую общественность.

Издаются буквально все, кому не лень.

Вот, например, перед нами „полное (ха-ха!) собрание (хе-хе) сочинений (хи-хи)“ некоего Антона Чехова...

(Кстати: какой это Чехов? Не родственник ли он пресловутого Михаила Чехова, бывшего актера МХАТ 2-го, который ныне „подвизается“ в Берлине?).

Впрочем, отбросим всякие подозрения и постараемся вскрыть социальную сущность и выявить писательскую физиономию вышепомянутого Антона Чехова (!), столь ретиво изданного одним из наших центральных издательств.

Возьмем хотя бы рассказ „В бане“, которым открывается том первый. Сам этот факт уже говорит за то, что рассказ „В бане“ является, так сказать, общественно-политическим и литературно-художественным крело писателя. Посмотрим, в чем же заключается это „крело“.

„— Эй, ты, фигура! — крикнул толстый, белотелый господин, завидев в тумане высокого и тощего человека с жиденькой бородкой и с большим медным крестом на груди. — Поддай пару!“.

И далее:

„Толстый господин поглаживая себя по багровым бедрам“... и т. д. Несколькими абзацами ниже:

„Там сидел и бил себя по животу венником тощий человек с костистыми выступами на всем теле“...

И еще:

„Никодим Егорыч был гол, как всякий голый человек“...

Довольно!

Совершенно ясно, что ни о каком писательском лице, ни о какой социальной значимости не может быть и речи в произведении, где с откровенностью, стоящей на грани цинизма и порнографии, на протяжении 6—7 страниц убористого шрифта смакуются мотивы голого человеческого тела.

А вот, например, рассказ „Неудача“:

„Пьян Сергей Петрович Пеплов и жена его Клеопатра Петровна стояли у двери и жалко подслушивали... За дверью в маленькой зале, происходило, по видимому, обяснение в любви; обяснялись их дочь Наташенька и учитель уездного училища Шушкин“... и т. д. (Разрядка везде наша. С. С.).

Дальше, товарищи, ехать некуда!

Учитель уездного училища, обясня-

СОВРЕМЕННЫЙ ЮМОРИСТ: — Жалко, все-таки, что Чехов так рано умер и маловато написал. Мне нечего больше переиздавать.

щийся в любви некоей Наташеньке — это же шедевр мешанской пошлости и беззубого, обывательского злопыхательства!

Кто этот, обясняющийся в любви, учитель? Частный случай, анекдот или же монументально обобщенный тип?

Если это частный случай, то, позвольте вас спросить, кому нужны такие частные случаи и для чего автору понадобилось притаскивать

за волосы на страницы советской печати эту явно надуманную, лишнюю плоть и крови фигуру выродившегося интеллигента, который занимается пошлейшим копанием в себе в стиле Достоевского?

Если это монументальное обобщение — то тут мы вправе со всей определенностью заявить зарвавшемуся автору:

— Руки прочь от советского учительства!

Не вам, гражданин Чехов, показывать нам его!

И потом, то это за Наташеньку? Откуда вы выкопали эту девушку, проводящую все свое время в бессмысленном флирте? Не бывает у нас таких девушек, гражданин Чехов!

Кстати, одна характерная деталь: в конце рассказа отец и мать Наташеньки благословляют ее и уездного учителя (!) вместо образа портретом писателя Лажечникова (?).

Очевидно, гражданин Чехов дальше середины девятнадцатого века в своих литературных ассоциациях не пошел. Стыдно, очень стыдно, господин Чехов, не знать, что самый популярный писатель у нас не Лажечников, а Гладков. И не мракобесом Лажечниковым, а Гладковым должны были благословлять молодых людей родители, если уж на то пошло!

Но вот что самое характерное: у гражданина Чехова совершенно нет романов. Да это и понятно! Трудно себе представить, как бы рецензируемому автору, при полном отсутствии чувств исторической перспективы, при куком, беспредметном, а ля Зоженко, юморке, при совершенно определенном уклончике в „голую“ порнографию, удалось создать большое полотно, в полном объеме отображающее нашу действительность со всеми ее сложнейшими конфликтами, коллизиями, ситуациями, взаимоотношениями, сдвигами и перегибами.

Что касается проблемы живого человека, то она, разумеется, даже и не почесала в полном (хи-хи!) собрании (хе-хе!) сочинений (ха-ха!) гр. Чехова.

В заключение необходимо заметить следующее. У Чехова имеется несколько пьес. Говорят, что некоторые из них собираются (!) поставить (?) М. Х. Т. И. (!?). Нам не известно, насколько справедливы эти слухи, но во всяком случае в театральных кругах поговаривают об этом совершенно определенно.

Будет чрезвычайно прискорбно, если такой серьезный и нужный пролетариату театр, как МХАТ, после „Бронепоезда“ и „Растратчиков“ поставит на своей сцене эти пошловатые и в конечном итоге малохудожественные, с позволения сказать, „пьесы“, специально рассчитанные на гнилой вкус напманского жителя.

А в общем никчемное собрание никчемных „сочинений“ худшего нам писателя.

Старик Саббакин

Кавычки скобки и все знаки препонания всюду мои. Вообще, все мое. С. С.